ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79
Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79
Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

sion). It is proposed to include an independent rule, designed by the results of the study, on the concept and powers of the judge both in pre-trial and in court criminal proceedings in the criminal procedure law of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A.S. (2010) *Interpretatsiya i pravo* [Interpretation and law]. [Online] Available from: <http://www.iuaj.net/node/182>. (Accessed: 30th November 2017).
2. Belonosov, V.O. (2006) *Problemy tolkovaniya norm ugolovno-protsessual'nogo prava Rossii* [Problems of Interpretation of the Norms of Russian Criminal Procedural Law]. Samara: Samara State University.
3. Kovtun, N.N. (2002) *Sudebnyy kontrol' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Judicial Control in Russian Criminal Proceedings]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy.
4. Grinenko, A.V. (2016) Correlation of Notions “Court” and “Judge” in the Russian Criminal Procedural Legislation. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 9. pp. 25–29. (In Russian).
5. Petukhov, E.N. (2018) Interpretatsiya otdel'nykh polozheniy ugolovno-protsessual'nogo zakona [Interpretation of certain provisions of the criminal procedure law]. In: Anokhin, Yu.V. (ed.) *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravnonarusheniyami* [Topical problems of combating crimes and other offenses]. Vol. 1. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 140–142.
6. Derishev, Yu.V. (2016) *Otvod sud'i kak garantiya spravedlivogo ugolovnogo pravosudiya* [The disqualification of a judge as a guarantee of fair criminal justice]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvod-sudi-kak-garantiya-spravedlivogo-ugolovnogo-pravosudiya>. (Accessed: 10th December 2017).

DOI: 10.17223/9785946217637/17

В.В. Рудич

ПЕРСПЕКТИВЫ СМЕНЫ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К СОСТЯЗАТЕЛЬНОМУ ТИПУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Исследуются вопросы, связанные со сменой существующей модели механизма применения мер пресечения. Раскрываются понятие и значение типа

уголовного процесса, определяются основные направления реформирования правоотношений между правоохранительными органами и судебной властью. Обосновывается необходимость совершенствования судебного контроля за применением мер пресечения, введения судебно-правового стандарта при решении вопроса об их избрании. Анализируются предложения относительно модернизации уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере деятельности и создания института следственных судей. Выделяются необходимые критерии для деятельности судов в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: меры пресечения, обвиняемый, тип уголовного процесса, судебно-правовой стандарт, состязательность уголовного процесса.

В последние годы ведется активная работа по разработке уголовной политики и модернизации действующего законодательства нашей страны. В частности, Совет Федерации Федерального Собрания РФ 20 декабря 2016 г. обсудил стратегию совершенствования уголовного правосудия, а 5 апреля 2017 г. – Дорожную карту уголовной политики и программы правового строительства на период 2017–2025 гг. (далее, Дорожная карта). В данном документе имеется специальный раздел, в котором содержатся предложения по модернизации уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения в рамках действующего УПК РФ. По мнению авторов обсуждаемой Дорожной карты, в обществе сложился консенсус по поводу того, что практика применения мер пресечения не отвечает идеям, заложенным в тексте уголовно-процессуального закона [1]. Основными пороками сложившейся на практике модели применения мер пресечения являются: избыточная карательность, обвинительный уклон, феномен автоматического удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования о применении мер пресечения. Имеет место дифференциация правовых стандартов применения мер пресечения в зависимости от социально-правового статуса обвиняемого. Один стандарт применения мер пресечения для простых людей и общеуголовных преступлений, другой стандарт – для лиц, совершивших преступления террористической и экстремистской направленности, третий – для граждан, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. Происходит это в связи с тем, что современная модель применения мер пресечения в целом, как и весь уголовный процесс, несёт на себе отпечаток следственной формы и идеологии. В результате такого влияния следственная структура искажает механизм превентивного судебного контроля и

не даёт ему функционировать так, как предполагалось его создателями, стать таким, каким он должен быть в правовом государстве [2, 3]. В результате порождается недоверие общества к судебной системе.

В реализации применения мер пресечения сталкиваются два фундаментальных права: право государства в лице правоохранительных органов на ограничение прав и свобод гражданина в рамках борьбы с преступностью и непосредственно сами права и свободы личности, где вина лица ещё не установлена, но в отношении него уже применяются репрессивные меры. Именно здесь, на мой взгляд, необходим такой механизм реализации принятия решения об удовлетворении ходатайства следователя на избрание меры пресечения либо об отказе в таком удовлетворении, который максимально обеспечивал бы соблюдение прав всех его участников и делал принятие решения о применении мер пресечения законным, обоснованным и справедливым. Для создания такого механизма ключевым является вопрос правовой организации процедуры применения мер пресечения. В свою очередь правовая организация процедуры применения мер пресечения может быть чётко определена только после решения конкретных проблем, создающих препятствия в такой организации [4, 5].

Одна из основных проблем видится в распределении власти между различными органами государства, в частности между органами правоохраны и судом. Причём распределение власти должно быть таким, чтобы качественно поменялась форма и содержание процессуальных отношений. Можно с уверенностью сказать, что качественного изменения в практике применения мер пресечения не дожидаться, если не поменять форму и содержание процессуальных отношений между обвинительной и судебной властью, когда решаются вопросы о применении мер пресечения [6. С. 372].

Для правовой организации процедуры применения мер пресечения также важно понимать, какой именно тип уголовного процесса для этого необходим. Тип уголовного процесса – это не просто набор элементов в виде следственных и судебных уголовно-процессуальных форм, но и результат господства одной базовой формы правовой организации деятельности участников процесса по принятию решения над другими. Кроме того, тип уголовного процесса – это всегда архитектоника власти–знания. Это главная объективная детерминанта процедуры применения мер пресечения. Без неё никогда не по-

нять и не организовать правоприменительную деятельность по желаемой модели.

В настоящее время можно говорить о двух основных типах уголовного процесса, о двух альтернативных способах правовой – уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: а) инквизиционном (следственном), б) состязательном (он же обвинительный / исковой). Первый – основан на доминировании следственной власти. Второй – на полновластии суда в принятии итоговых решений по делу и разработке оснований для таковых. Сегодня исходным типологическим признаком современного российского процесса является всевластие следователя и в этом состоит первопричина несоответствия стандартам справедливого судебного разбирательства российской уголовно-процессуальной системы, включая такой её элемент, как судебный контроль за применением мер пресечения. В следственном уголовном процессе (хотя бы и с некоторыми вторичными признаками состязательности) судебный контроль за применением мер пресечения никогда не сможет стать вполне независимым и объективным, а обвинительный уклон у него, в свою очередь, неизбежен. О том, что господствует обвинительный уклон и избыточная карательность в судебном контроле за применением мер пресечения, свидетельствуют статистические данные за период 2012–2016 гг.

Меры пресечения	Всего в 2016 г.	Всего в 2015 г.	Всего в 2014 г.	Всего в 2013 г.	Всего в 2012 г.
Количество рассмотренных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу	136 580	154 006	146 358	146 993	147 784
из них удовлетворено таких ходатайств, %	123 296 (90%)	140 309 (91%)	132 741 (91%)	133 311 (91%)	132 923 (90%)
Количество рассмотренных ходатайств о продлении срока содержания под стражей	230 276	230 599	209 474	206 968	198 775
из них удовлетворено таких ходатайств, %	225 311 (98%)	226 729 (98%)	205 398 (98%)	198 450 (96%)	195 234 (98%)

Согласно этим данным суды удовлетворяют подавляющее большинство ходатайств органов предварительной власти об избрании

меры пресечения. Причём в структуре принимаемых судами решений об избрании меры пресечения доминируют постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Политика применения мер пресечения по уголовным делам в принципиальном плане, так и не изменилась [7. С. 75–79]. Получается, что проблема не в том, кто принимает решение о применении меры пресечения, а в существующей модели механизма применения мер пресечения.

Меры пресечения	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Арест	132 923 97,8%	133 311 97,6%	132 741 97,4%	140 309 96,6%	123 296 95,2%
Домашний арест	2714 2%	3086 2,3%	3334 2,5%	4740 3,3%	6101 4,7%
Залог	275 0,2%	198 0,14%	224 0,16%	190 0,1%	164 0,13%

Указанная проблематика свидетельствует о том, что нужна новая уголовно-правовая стратегия, новая уголовно-процессуальная политика, которая приведёт к состязательному типу уголовного процесса. Суть такого типа состязательного процесса заключается в том, что в нём исполнительная и судебная власть вместе соучаствуют в применении мер пресечения, но при этом каждая из них независима друг от друга, выполняя различные функции. Их деятельность при решении вопроса об избрании меры пресечения должна заключаться в том, что исполнительная (обвинительная) власть требует от судебной власти принять решение о применении мер пресечения и затем исполняет судебное решение, если оно принято в пользу применения меры пресечения. Судебная власть устанавливает основания для применения меры пресечения, на основе доказательств, представленных сторонами и полученных в ходе судебного заседания, и принимает постановление об удовлетворении требований и применении меры пресечения или об отказе в таковом. При этом в вопросы исполнения судебная власть не должна входить, её задачи – разрешить спор, принять решение в пользу той стороны, чьи доказательства и позиция оказались убедительнее [6. С. 373]. Таким образом, суд должен принимать решения в состязательной процедуре, исходя из равенства сторон и на основе представленных сторонами доказательств. Кроме этого, на мой взгляд, важным условием является то, что в состязательном про-

цессе должен быть судебный механизм применения мер пресечения, основанный на правовых стандартах. Для раскрытия понятия правового стандарта, о котором идёт речь, необходимо дать ряд пояснений.

1. Правовой стандарт – это устойчивый смысл закона, получивший закрепление (и вместе с тем развитие) в судебной практике, ставший реальностью правоприменения. Это элемент «РЕАЛЬНОГО ПРАВА», а не только закона как системы правовых норм.

2. Признаком правового стандарта является его «укоренённость» в судебной практике [8. С. 13] и в правовом сознании (и даже в правовой психологии) участников уголовно-процессуальных производств [9. С. 330–335].

3. Содержательным элементом правового стандарта являются судебные прецеденты: в них реально «проживает» и обретает смысл норма закона, ставшая частью «когнитивной модели» судьи, который уполномочен на принятие решения в определённой правовой ситуации [10. С. 664–672]. При таком осмыслении и с таким подходом к формированию правовых стандартов мы получаем важный необходимый элемент состязательного процесса – судебно-правовой стандарт (правовая норма плюс судебная практика). Появление и применение таких судебно-правовых стандартов хоть пока ещё и редко, но уже имеется в реальности. Подтверждением данного вывода являются формулировки в резолютивной части судебного решения, которые звучат так: «Нарушений требований норм процессуального закона и действующего Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей, суд апелляционной инстанции не усматривает» (апелляционное постановление Липецкого областного суда от 7 июля 2017 г., материал № 22к-1014/2017). Из приведённого примера видно, что анализируется не только правильность применения норм права, но и позиция, изложенная в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Нарушения изложенных положений являлись бы самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей.

Почему я считаю необходимым раскрыть суть правовых стандартов именно в контексте перехода к состязательному процессу? Эта необходимость основана на разнице инквизиционного и состязатель-

ного процесса, которая состоит в том, кто наделён правом на участие в выработке стандарта и как он реализует своё полномочие.

В инквизиционном (следственном) процессе – это монопольная деятельность правоохранительных органов. В состязательном процессе – правовой стандарт вырабатывается судом с участием сторон, а это, в свою очередь, вовлекает в процесс формирования стандартов гражданское общество. В суде, где затронуты личные интересы людей, идёт открытая жёсткая борьба за право как средство защиты своих интересов. Вот в этой среде и выковываются правовые стандарты, которые, пройдя проверку в вышестоящих судебных инстанциях, приобретают свойство обязательности для других судов, субъектов правоприменения. Но чтобы этот механизм заработал, нужны конструктивные изменения в уголовно-процессуальной системе. В концептуальном плане, как я уже указывал, суть этих изменений можно определить как переход именно к состязательному типу уголовного процесса [11].

Ещё одним решающим шагом на пути такого перехода должна стать реформа предварительного расследования. А с реформой предварительного расследования видится верным связывать изменения политики применения государственного принуждения по уголовным делам. Это должна быть новая более гуманная, более экономная в плане репрессивности уголовно-процессуальная политика по всем уголовным делам на основе принципа равенства всех субъектов права перед законом и судом в рамках состязательного досудебного уголовного производства.

Наиболее правильной, на мой взгляд, является идея организации предварительного расследования, основанная на принципе чёткого разделения следственной, прокурорской и судебной функции. Кроме того, реформирование предварительного расследования должно заключаться не только в изменении структурных форм, но и в изменении механизма уголовного преследования, в устранении доминирующего положения следственной власти в досудебном производстве, в изменении ограниченности права защиты в противостоянии с обвинением, в изменении общего давления на правосознание правоприменителей следственной традиции. Предлагая такие изменения, мы ведём речь не о беспечной демократизации, а о принципиальном устройстве правового механизма противодействия преступности. Как устроена обвинительная власть, каким образом закон позволяет ей искать ос-

нования для применения уголовной репрессии к лицам, совершившим преступление, – вот что следует иметь в виду, когда речь идет о механизме уголовного преследования. В свою очередь, механизм уголовного преследования определяет, кто, в какой форме, в каком порядке, осуществляет деятельность, направленную на выявление и изобличение лиц, совершивших преступления, применения к ним предварительных (обеспечительных) мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения). Реализация обсуждаемых предложений невозможна без приведения досудебного производства в соответствие со стандартами состязательности, равенства сторон, в том числе по собиранию доказательств. До последнего времени вероятность подобного развития событий никем всерьёз не принималась, но опыт других стран, в том числе наших ближайших соседей, свидетельствует о выработке определённого европейского стандарта в организации правоохранительной системы и формы её досудебной деятельности. Именно поэтому, говоря о реконструкции правовой модели применения мер пресечения и переходе к состязательному типу уголовного судопроизводства, мы не можем не связывать этот процесс с реформой предварительного расследования.

Важным элементом состязательного процесса является судебный контроль при решении вопроса о применении мер пресечения. Интересным в этой связи было предложение о модернизации судебного контроля посредством введения института следственных судей [12]. Однако предложенный ряд ограничений в деятельности этого института в частности рассмотрение следственными судьями определённых категорий дел, на мой взгляд, может сделать его не столь эффективным для смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства.

Хотелось бы отметить, и предложения авторов Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ, которыми устанавливаются условия принятия решения следственным судьёй при избрании меры пресечения [13]. Они наиболее соответствуют состязательному типу уголовного процесса и вписываются в предлагаемые изменения.

Говоря о перспективе смены существующей модели механизма применения мер пресечения нельзя не сказать ещё об одном проекте судебной реформы, разработанном членами «Столыпинского клуба».

В соответствии с поручением Президента В.В. Путина от 14.07.2016 г. № ПР-1347 была представлена Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 г., в составе которой имеется раздел посвящённый судебной реформе. В рамках настоящей работы нас, прежде всего, интересуют предложения по реорганизации правовой формы применения мер пресечения по уголовным делам [14]. Но минус выдвигаемых данной программой предложений состоит в том, что они ориентированы только на защиту одной группы лиц – предпринимателей.

В состязательном процессе судебный контроль должен являться основной гарантией законности и права лица на защиту [15]. Необходимо ввести запрет на рассмотрение уголовного дела по существу тем судьёй, который в ходе досудебного производства осуществлял судебный контроль по данному делу, включая разрешение ходатайства об избрании меры пресечения. Следственный судья должен рассматривать меры пресечения не по отдельным категориям преступлений, а по всем преступным деяниям, не выделяя отдельные категории преступлений из общего порядка. Юрисдикцию следственных судей следует распространить на всех граждан и на все споры, возникающие между участниками досудебного производства. Процедура рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения должна производиться на основе состязательности, равенства сторон, устности, гласности, непосредственности, независимости следственного судьи от следствия, прокуратуры и исполнительной власти [6. С. 352–370]. Как пишет О.В. Химичёва, важно продумать организационную независимость следственных судей от общих судов, в частности проверки решений следственных судей, а, следовательно, надо создавать систему следственных судей, принимающих решение в качестве различных инстанций [16. Ч. 2. С. 398]. Представляется, что введение в отечественный уголовный процесс следственного судьи станет одним из шагов к созданию качественно новой модели судебного уголовно-процессуального механизма принятия решений по применению мер пресечения. В своей совокупности принципиально новая организация обвинительной власти и её соотношение с властью судебной в лице следственного судьи позволит создать новый правовой механизм применения исключительных и обеспечительных по своей правовой природе мер пресечения (мер уголовно-процессуального принуждения) в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время сохраняется тренд на консервацию существующего уголовно-процессуального порядка, включая механизм применения мер пресечения. Создаётся впечатление, что никаких решительных шагов не предвидится, продолжается влияние следственной формы, доминирующее положение следственной власти в досудебном производстве, ограниченность прав защиты в противостоянии с обвинением, общее давление на правосознание правоприменителей следственной традиции. Чтобы получить качественный переход к состязательному типу уголовного судопроизводства необходимо провести реконструкцию правовой модели применения мер пресечения и реформу предварительного расследования. Также важно помнить, что изменения и дополнения закона сами по себе не отменяют следственную идеологию. Помимо законов и указанного реформирования необходимо и изменение правосознания, при котором тип состязательного процесса станет естественным для уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовная политика: Дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков и др. М. : ЦСР «Институт и общество». URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Repot-CP. Pdf>
2. Трубникова Т.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве РФ // Вестник Томского государственного университета: Серия «Экономика. Юридические науки». 2003. № 279 (сентябрь). С. 81–83.
3. Трубникова Т.В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета: Серия «Экономика. Юридические науки». Приложение: «Материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ». 2003. № 4. С. 49–51.
4. Андреева О.И. Проблемы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (по материалам Томской области) // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: Материалы круглого стола / отв. ред. И.Ф. Демидов. М. : ТК Велби, Проспект, 2004.
5. Андреева О.И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 73–76.
6. Рудич В.В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2018. 416 с.
7. Рудич В.В., Фетищева Л.М. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере

- предпринимательской деятельности // Экономика Предпринимательство Окружающая Среда. (ЭПОС). 2015. № 3 (63). С. 75–79.
8. Волженкина В.М. Применение норм международного права в Российском уголовном процессе (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 22 с.
 9. Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 года и международно-правовые реалии // Бюллетень Министерства Юстиции РФ. М. : Спарк, 2004. № 4. С. 26–31.
 10. Александров А.С., Александрова И.А., Терёхин В.В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. 688 с.
 11. Трубникова Т.В. О содержании и пределах реализации состязательности в уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Ч. 44. С. 164–166.
 12. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html
 13. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А.С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.
 14. Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 г. URL: <http://stolypinsky.club/strategy/>
 15. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществляемым и не иллюзорным // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. С. 10–14.
 16. Хомичева О.В. Судебный следователь или следственный судья? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сб. материалов Международной науч.-практ. конференции. М., 2015. Ч. 2. С. 392–398.

PROSPECTS FOR CHANGING THE EXISTING MODEL OF THE RESTRAINT MEASURE APPLICATION MECHANISM IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO AN ADVERSARIAL SYSTEM OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Valeriy V. Rudich, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ruvv66@mail.ru

Keywords: measures of restraint, the accused, type of criminal procedure, judiciary legal standard, adversarial nature of criminal procedure.

DOI: 10.17223/9785946217637/17

The objective of the study is to reveal the essence of the existing model of the measures of restraint application mechanism and also to disclose the existing shortcom-

ings and make proposals for its being reformed in the context of transition to an adversarial system of criminal proceedings.

In the introduction, the author substantiates the opinion that the existing model of the measures of restraint application mechanism does not comply with the principles of a fair trial. Society has developed a consensus that the practice of applying the measures of restraint contradicts basic ideas of the texts of criminal procedure law. The main flaws mentioned are excessively punitive nature, general accusatory bias and the phenomenon of mechanical satisfaction of the preliminary investigation authorities' petitions on applying the measures of restraint. The legal standards for applying the measures of restraint may differentiate depending on social and legal status of the accused. The cause is that investigative formal structure and ideology both imprinted on the modern model of applying the measures of restraint in general, as well as on the entire criminal procedure. As a result of such influence, the investigative structure distorts the mechanism of preventive judicial control, impeding it to function as supposed by its creators and to become what it should be in a legal state. Thus, the society's distrust of the judicial system is generated. In this connection, the author expresses the ideas of the need for changing the model of the measures of restraint application mechanism and the transition to an adversarial type of criminal proceedings.

The matters of consideration are the legal organization of the procedure for applying the measures of restraint and the ways of solving specific problems impeding such an organization. The first problem is the distribution of power between different state bodies, in particular, between law enforcement bodies and the court; no qualitative change in the practice of applying the measures of restraint can be expected, unless both the form and the content of procedural relation between the prosecution and the judiciary are changed. The second one is the need to understand what type of criminal procedure is needed in this connection. The author substantiates the need for the transition to an adversarial system of criminal proceedings, since a type of criminal procedure is not only a set of elements constituting some "criminal procedure form" (namely judicial and investigative ones), but also the result of one basic form of the legal organization of the participants activities in the decision-making process dominating other possible forms. The paper notes such an important element as a judiciary legal standard and defines its concept and meaning. The proposal to reform the preliminary investigation is substantiated; this should consist not only in changing structural forms, but also in changing such things as the mechanism of criminal prosecution, the dominant position of investigative power in pre-trial proceedings, the limited right of the defense in confrontation with the prosecution, the overall pressure on legal consciousness of the law enforcers abiding by the investigative tradition. Speaking about judicial control over the mechanism of applying the measures of restraint, the author supports the idea of introducing the institution of investigative judges and indicates exactly what this institution should be.

The conclusion of the paper is that preservation of the investigative type of criminal procedure and the existing model of the measures of restraint application mechanism is still a trend today, despite the general understanding of necessity and inevitability of both the transition to the adversarial system of criminal proceedings and the change of

the existing model of the measures of restraint use. Apart from changing the legislation, what the author sees important is a formation of such a legal consciousness that will make the adversarial system natural for criminal proceedings.

REFERENCES

1. Esakov, G.A. et al. (2017) *Ugolovnaya politika: Dorozhnaya karta (2017–2025gg.)* [Criminal Policy: Roadmap (2017–2025)]. Moscow: Institut i obshchestvo. [Online] Available from: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Repot-CP.Pdf>.
2. Trubnikova, T.V. (2003a) Sudebnyy kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu primeneniya zaklyucheniya pod strazhu v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve RF [Judicial control over the legality and validity of the use of imprisonment in modern criminal proceedings of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Ekonomika. Yuridicheskie nauki"*. 279. pp. 81–83.
3. Trubnikova, T.V. (2003b) Sudebnyy kontrol' na dosudebnykh stadiyakh sudoproizvodstva: pravovaya priroda i mesto v sisteme ugolovnogo protsesssa [Judicial control at the pre-trial stages of legal proceedings: the legal nature and place in the system of the criminal process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Ekonomika. Yuridicheskie nauki"*. Appendix. 4. pp. 49–51.
4. Andreeva, O.I. (2004) Problemy izbraniya v kachestve mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu (po materialam Tomskoy oblasti) [Problems of applying as a preventive measure of imprisonment (a case study of Tomsk region)]. In: Demidov, I.F. (ed.) *Novyy ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossii v deystvii* [New Criminal Procedure Code of Russia in action]. Moscow: TK Velbi, Prospekt.
5. Andreeva, O.I. (2005) Imprisonment as a measure to secure the appearance of the accused: law enforcement issues. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 73–76. (In Russian).
6. Rudich, V.V. (2016) *Organizatsionno-pravovoy mekhanizm primeneniya mer presecheniya v ugolovnom protsesse* [The institutional and legal mechanism for the use of preventive measures in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
7. Rudich, V.V. & Fetishcheva, L.M. (2015) Ugolovno-protsessual'naya politika primeneniya mer presecheniya po ugolovnym delam o prestupleniyakh, soversheniykh v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Criminal procedural policy of the use of preventive measures in criminal cases of crimes connected with entrepreneurial activity]. *Ekonomika Predprinimatel'stvo Okruzhayushchaya Sreda*. 3(63). pp. 75–79.
8. Volzhenkina, V.M. (1999) *Primenenie norm mezhdunarodnogo prava v Rossiyskom ugolovnom protsesse (problemy teorii i praktiki)* [Norms of international law in the Russian criminal process (problems of theory and practice)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Ignatenko, G.V. & Marochkin, S.Yu. (2004) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii ot 10 oktyabrya 2003 goda i mezhdunarodno-pravovye realii [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia of October 10, 2003, and international legal realities]. *Byulleten' Ministerstva Yustitsii RF*. 4. pp. 26–31.

10. Aleksandrov, A.S., Aleksandrova, I.A. & Terekhin, V.V. (2016) *Shest' kriticheskikh esse o prave i pravosudii* [Six critical essays on law and justice]. In: Chestnov, I.L. (ed.) *Postklasicheskaya ontologiya prava* [Postclassical Ontology of Law]. St. Petersburg: Aleteya.
11. Trubnikova, T.V. (2009) *O soderzhanii i predelakh realizatsii sostyazatel'nosti v ugovnom protsesse* [On the content and limits of adversariality in the criminal process]. In: Eliseev, S.A. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Vol. 44. Tomsk: Tomsk State University. pp. 164–166.
12. Smirnov, A.V. (2015) *Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudey v rossiyskom ugovnom protsesse* [The revival of the institute of investigative judges in the Russian criminal process]. [Online] Available from: [http // rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436](http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436).
13. Aleksandrov, A.S. et al. (2015) *Doktrinal'naya model' ugovno–protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k ney* [Doctrinal model of the Russian criminal procedural law of evidence and comments on it]. Moscow: Yurlitinform.
14. Russian Federation. (n.d.) *Srednesrochnaya programma sotsial'no–ekonomicheskogo razvitiya strany do 2025 g.* [Medium-term program of socioeconomic development of the country until 2025]. [Online] Available from: [http // stolypinsky.club/ strategy/](http://stolypinsky.club/strategy/).
15. Andreeva, O.I. (2016) *Pravo na zashchitu dolzhno byt' real'nym, prakticheskii osushchestvlyaemym i ne illyuzornym* [The right to protection should be real, practically implemented and not illusory]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 10–14.
16. Khomicheva, O.V. (2015) [Judicial investigator or investigative judge?]. *Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty* [Organization of the activities of crime investigation agencies: managerial, legal and forensic aspects]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 392–398. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946217637/18

К.В. Скоблик

ПУБЛИЧНАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ

В статье рассказывается о причинах появления принципа состязательности в УПК РФ, выражается отношение автора к его закреплению. На этой ос-